

несколько подобных примеров. На стр. 450 (книга VII, глава VI) читаем: «И начат (Васс) насыповати я, тьсняся, да скоро възвыситъ приспы, и обсьде град». Здесь отмечаем такие восточнославянские лексемы, как «насыповати» (глагол многократного вида с суффиксом «-ова-»), глагол «тьснитися», рассматриваемый и Бройером в качестве приметы русского происхождения памятника; существительное «прис[ъ]па» — насыпной вал (ср. современное украинское «призвба» — завалинка около хаты). Наряду с этим структура косвеннопобудительного придаточного предложения с изъявительным наклонением в качестве сказуемого, что Бройером признается показателем южнославянского происхождения текста. Возьмем еще дальше случайно встретившееся нам предложение на стр. 462 (книга VII, глава IX): «Римляне... възсричаша с конии, да вынидутъ гражданъ на съчю». В этом предложении с той же самой структурой отметим характерный глагол с восточнославянской приставкой «вы-» в качестве сказуемого в придаточном предложении. Примеры подобного типа можно умножить. Таким образом, мы имеем возможность со всей ответственностью заявить, что гипотеза Бройера не подтверждается более глубоким анализом им же рассматриваемого материала.

Кроме того, следует заметить, что Бройер, привлекая примеры из памятников древнерусской переводной письменности, совершенно не останавливается на стилистической стороне разбираемых им предложений. Между тем очевидно, что в ряде случаев выбор переводчиком именно данной синтаксической конструкции мог зависеть как от общего смысла и стиля контекста, так и от ближайшего лексического окружения фраз. Так, на стр. 167 (книга I, глава I) находим: «Они же (Товиины сыны), прибѣгше к Антихови, молишася ему, да бы я посадилъ во Июдѣи». Здесь от сказуемого главного предложения «молишася» зависит косвеннопобудительное придаточное древнерусского (по Бройеру) типа с глаголом в сослагательном наклонении в качестве сказуемого. Контекст этого абзаца вполне «светский», речь идет о конкретных просьбах, о житейских делах. На странице же 226 (книга I, глава XXVIII) встречаемся с иной синтаксической конструкцией: «Молю же ся и богу, да благовольтъ сеи бракъ на ползу цесарствию моему и мномъ вначатомъ». Здесь и лексика возвышенная, церковнославянская, и речь идет о молитве к богу, произносимой Иродом, и придаточное предложение носит книжный, славянский характер. Еще более яркий пример находим в главе XXIX той же книги: «И бѣаше с тѣми Саломина въ соблюдение, посла къ римлянымъ властелемъ, глаголя, да быша писали ко отьцю, а бы послаа къ цесареву в Римъ».⁶¹ Здесь в одном и том же сложном предложении с характерной русской конструкцией сказуемого в сослагательном наклонении, причем второе предложение начинается еще более характерным для русской письменности союзом «а[бы]». И это связано, очевидно, с содержанием и стилем контекста, поскольку речь идет о частной деловой переписке. Несколько строками далее написано об официальном завещании Ирода, «в них же написано бысть... по Антипатрѣ Иродъ наслѣдникъ цесарствия да будетъ».⁶² Официальному характеру цитируемого государственного документа соответствуют и лексика, и синтаксическая структура придаточного предложения с ее церковнославянским «да будетъ». Таким образом, если наличие синтаксической структуры косвеннопобудительных предложений с сослагательным наклонением, на наш взгляд, безусловно доказывает, что текст перевода составлял восточный славянин, то, наоборот, присутствие в пред-

⁶¹ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны»..., стр. 228—229.

⁶² Там же, стр. 229.